

а найти способы для распознавания и, если понадобится, обезвреживания *любого* исторического мифа, если его вред начинает перевешивать пользу. Разумеется, вред и польза, в свою очередь, понятия ценностные, а значит, ненаучные, но каждый из нас всё же способен определить их хотя бы для себя самого.

Кроме того, если бы нам удалось установить родство только этих двух концепций, то в чём его причины? Их следует искать в предшествующем развитии социального мышления (включая как научное, так и вненаучное). А значит, Розенберг и Гумилёв не одиноки. Они лишь представляют (возможно, с предельной выразительностью) целое направление, возникшее до них и не исчезнувшее после них. Чтобы понять, что же это за направление, нужно попытаться понять его истоки.

Поэтому сопоставим эти две концепции с течениями в философии истории, которые никто всерьёз не относит к историческим мифам (или, как минимум, сами авторы считали, что занимаются научным исследованием, а не мифотворчеством и не политической идеологией). Это позволит нам понять границы между историческим мифом, исторической наукой и обычной, «нормальной» философией, прав и привилегий которой никто пока не отменял. Последняя задача не столь проста, так как границы философии не очерчены с такой же чёткостью, как границы науки.

II.4. Евразийство

*И в ливрее
портье коченя,
о прошлом жалеет
зброшенный дед —
бывший корнет.
Неподвижен,
судьбою обижен,
подобран Парижем,
он шурится вдаль,
на Пигаль...*

*Ж. Плант, музыка Ш. Дюмона — Эдит Пиаф. Вальс
(1962)*

Прежде всего это, конечно, евразийство, продолжателем которого Л. Н. Гумилёв сам себя публично объявил. Это направление заявило о себе во всеулышание сборником *«Исход к Востоку»* (София, 1921). В его ряды вошли молодые интеллектуалы, искавшие новую формулу единства России (как советской, так и эмигрантской) на основе идей славянофильства, но без его крайностей. Их программа включала союз народов бывшей империи без господства какого-то одного из них (в том числе и русского), отказ от ориентации на Запад и его культуру. Идеалом политической системы им виделась «идеократия» — то есть власть идеи, в сущности — нового политического мифа, стоящего выше как государства, так и любой церкви или партии. Эта идея имела древнюю историю. Уже Иосиф Флавий отличал «теократию», понимаемую им как «власть Бога», от «иерократии» — то есть власти церковников:

«... Одни предоставили управление государством монархам, другие нескольким избранным родам, третьи — непосредственно народным массам. Наш же законода-

тель [Моисей — Л.М.] оставил всё это в стороне и положил основание теократии, как можно было бы выразиться с некоторой натяжкой в выборе названия, предоставив управление и власть Господу Богу и научив народ взирать на Него, как на причину всех существующих благ, которые выпадают на долю вообще всем людям и которые получают они помощью молитвы в затруднительных положениях жизни» (Против Апиона II, 16 — Иосиф Флавий 1895/1991: 108—109).

Точно так же в утопии Вл. Соловьёва — «свободной теократии» — три функции Бога (власть, сила, «живой совет») делятся так: власть принадлежит церкви во главе с первосвященником, сила — царю, подчиняющемуся церкви добровольно, а право живого совета с Богом — пророкам (Люсский 1991: 125). При этом власть идеи не превращается во власть профессиональных носителей этой идеи, поскольку они блюдут нравственную высоту, не занимая к тому же формальных постов. Как этого можно было бы добиться в реальной жизни — об этом не задумывался никто из этих романтиков. Впрочем, Н. А. Бердяев уже в 1925 г. чрезвычайно проницательно предупреждал:

«Их идеология соответствует душевному укладу нового поколения, в котором стихийное национальное и религиозное чувство не связано со сложной культурой, с проблематикой духа. Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом» (Бердяев 2007 {1925}: 5; выделено везде мной — Л. М.).

Действительно, евразийцы возлагали большие надежды на опыт таких «идеократических» государств, как СССР и фашистская Италия (Люкс 1993: 110—111), хотя и признавали их практику ещё далёкой от идеала. Во время НЭПа они надеялись на перерождение СССР, после которого их идеи сменят большевизм. В конце 1930-х годов, когда и в СССР, и в Германии тоталитаризм показал себя во всей неприглядности, евразийство распалось как движение. Однако его идеи не исчезли. В каком-то виде они нашли отражение в официальной концепции «братских народов» советского лагеря, на их притягательности вырос феномен Л. Н. Гумилёва. И даже такой далёкий от национализма деятель, как А. Д. Сахаров, в своих последних выступлениях на Съезде Советов 1989 г. предлагал переименовать СССР в «Союз республик Европы и Азии», чтобы сохранить единство страны на основе идеи дружбы народов, а не лозунгов классовой борьбы. Но ведь это и есть программа «истинного общеевразийского национализма» — как определял его Н. С. Трубецкой (2007 {1921})! В наши же дни многие силы в России, от В. В. Путина до его противников из крайне правого лагеря, хватаются за евразийство как за идеологию, ставящую своей главной задачей спасение единства «шестой части суши» — неважно на какой основе.

В наши задачи не входит анализ евразийства как целостного явления (см., напр.: Люкс 1993; Шнирельман 2000; и др.). Остановимся лишь на одном из авторов, в трудах которого наиболее полно и в то же время сжато изложена именно историческая концепция евразийцев.

Автор этот — князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938). Его род — род князей-Гедиминовичей, перешедших на московскую службу с 1500 г., — дал России выдающихся военных, дипломатов, деятелей науки, искусства, литерату-

ры. Его отец, крупный религиозный философ С. Н. Трубецкой (1862—1905), был ректором Московского университета; дядя Е. Н. Трубецкой (1863—1920) развивал учение Вл. Соловьёва о всеединстве и умер от тифа в Новороссийске накануне его оставления белыми. Сам Николай Сергеевич ещё до 1917 г. опубликовал ряд серьёзных работ по северокавказской и финно-угорской филологии. В годы гражданской войны Н. С. Трубецкой уехал на Юг — в области, занятые Добровольческой армией, а в 1920 г. вместе с её остатками оказался в Болгарии. Здесь и вышла его первая книга по евразийской проблематике — *«Европа и человечество»* (Трубецкой 2007 {1920}), едва ли не ставшая отправной точкой всего движения. В тот момент, как напоминает Леонид Люкс (1993: 112) из Кёльнского университета, автору не исполнилось и 30 лет, а его коллеги по «цеху» были и того моложе.

Оставшиеся 18 лет жизни он был профессором славистики — в Софии, Праге, наконец, в Вене. Кроме того, часть его важнейших трудов была напечатана в Берлине и Париже. Если его «евразийские» идеи остаются весьма спорными, то его заслуги как филолога бесспорны. Вместе с другим эмигрантом, Романом Осиповичем Якобсоном, кн. Трубецкой стоял в центре Пражского филологического кружка, вместе с ним стал основоположником целых двух научных направлений: фонологии (науки о звуковом составе языка) и (вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром) структурной лингвистики. Его идеи сыграли огромную роль в становлении структурализма.

Конец его жизни был трагичен: после аншлюса Австрии он оказался «на крючке» у гестапо, и частые грубые обыски довели его до инфаркта и смерти в 48-летнем возрасте³². Не последнюю роль в этих преследованиях сыграла публикация им статьи *«О расизме»* (Трубецкой 2007 {1935}), в которой он решительно отмежевался от гитлеровской идеологии и практики в «расовом вопросе» (Шнирельман 2000: гл.5).

Л. Н. Гумилёв воздал ему должное буквально за год до смерти. В *«Нашем наследии»* он опубликовал статью с подзаголовком, говорящим многое: *«Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца)»* (Гумилёв 1991 а). А это заставляет присмотреться: что же такое евразийство, в чём его пафос, его сильные и слабые стороны? Как и почему оно возникло, как и почему исчезло (и исчезло ли), почему Л. Н. Гумилёв был уверен, что он в этом ряду — последний, и был ли он в этой уверенности прав?

II.5. Циклизм

Однако евразийством источники идей Л. Н. Гумилёва не ограничиваются. В классификации антропологических теорий, предложенной Л. С. Клейном (В печати, гл. XIV, 1), он занимает место среди циклистов. Это значит, что его теория опирается, в числе прочих, на следующие основополагающие принципы:

- 1. Нет смысла говорить о единой мировой цивилизации. Вместо этого в истории человечества мы видим ряд равноправных цивилизаций, более или менее изолированных друг от друга.
- 2. Тем не менее, хотя цивилизации изолированы, но едины законы, управляющие их развитием.

³² <http://www.kulichki.com/~gumilev/TNS/tns00.htm>